

Вместо заученных заклинаний, взмахов палочкой, визуализации и магического мастерства, Магия Магов, или, как ее еще называют, беспалочковая магия, требовала от мага нечто иное: намерения, визуализации, силы воли, магического мастерства и, возможно, легкого движения рукой. Быть магом означало лишь одно: у тебя было больше возможностей для беспалочковой магии, и всё. — Поскольку мутация — это хорошо, люди считают, что это должна быть способность, а не мутация. Кажется, они не могут понять, что не все мутации плохи, — сказал портрет Салазара Слизерина, глядя на Гарри, который, казалось, совсем не был удивлен этим откровением. — Но тогда почему вы назвали это способностью? — спросил Гарри, его голос был тихим и неуверенным. — Чтобы тебе было проще понять. К тому же, тебе, наверное, не очень понравилось бы, если бы первое, что я тебе сказал, было то, что у тебя мутация. Но забудьте обо всех этих делах с магами, мы начнем их не раньше следующего года, — ответил портрет, пожимая плечами. — Но у нас ведь еще будут обсуждения? — спросил Гарри, пытаясь разобраться в этом хаосе информации. — Я бы ни за что не стал учить тебя, если бы у нас не было этих обсуждений, так что, полагаю, ответ положительный, — сказал портрет, и в его голосе прозвучало едва заметное веселье. — Хорошо, справедливо. Продолжая, я хотел спросить, почему мы не проводили никаких ритуалов, кроме первых двух? — Гарри, казалось, не мог успокоиться, его разум был переполнен вопросами. — Это потому, что твоему телу нужно время, чтобы полностью адаптироваться к изменениям, произошедшим после предыдущих ритуалов, — объяснил Салазар. — Но эти два закончились как... — начал Гарри, но портрет его перебил. — Ритуалы закончились неделю назад, — сказал Салазар, поправляя Гарри. — Твое тело не закончит адаптацию еще как минимум месяц, — добавил он, словно читая мысли Гарри. — Хорошо, тогда ладно. Мне пора идти, делегации должны быть здесь через несколько часов, — сказал Гарри, вставая. — Сообщи мне, если заметишь кого-нибудь интересного. И проводи больше времени со своими друзьями, — сказал Салазар, — Не стоит слишком привязываться к портрету. — Не льстите себе, — нахально ответил Гарри, но в его голосе прозвучала легкая тревога. — В любом случае, моя точка зрения остается в силе. Ты сказал, что постепенно отдаляешься от них, а ходить в одиночку неразумно, особенно когда ты все еще намного слабее своих противников, — продолжил Салазар, его голос был спокоен, но в нем чувствовалась сила. — Я знаю, знаю, — поспешно сказал Гарри, — Я буду проводить больше времени рядом с ними. Но если Рон не заткнется из-за турнира, а Гермиона из-за моего внезапно возросшего таланта, мне придется нелегко. — Если они такие, как ты говоришь, заводи новых друзей, — сказал Салазар безразличным тоном. — Они были со мной с того момента, как я пришел сюда, — защищался Гарри, — Я не брошу их. — Возможно, именно тот факт, что они так долго были рядом с тобой, не замечает их недостатков, — прокомментировал портрет, — Спеша найти людей, которые заботятся о тебе, ты не замечаешь многих проблем, с которыми они сталкиваются. Взять, к примеру, вашего крестного отца. — Сириус — хороший человек, — сказал Гарри, злясь с каждой минутой все больше. — Возможно, да, а возможно, и нет. Но ты ведь не можешь этого знать, верно? В конце концов, вы провели в его присутствии не более двух часов? — сказал Салазар, его голос был тихим, но в нем чувствовалась уверенность. Плечи Гарри опустились в знак поражения. Он понимал, к чему клонит портрет, хотя ему это и не нравилось. — Я не говорю, что он плохой, — мягко произнес Салазар, — Я говорю, что вам следует взглянуть на вещи с посторонней точки зрения. С этой точки зрения два твоих друга выглядят не так, как должны, и ты мало знаешь о своем крестном. Гарри слегка кивнул, с грустью вслушиваясь в каждое слово портрета. — С этой же точки зрения два твоих друга-аврора кажутся очень хорошими кандидатами в друзья. Похоже, что ты их волнуешь больше, чем твой шрам, а это уже бонус. Они не проявляют ревности, только сострадание и заботу. Ты также упоминал, что вы становитесь близки, — продолжил Салазар. — В каком-то смысле, наверное, — сказал Гарри, — Хотя я не уверен, близок ли я с ними, или я просто не близок ни с кем другим. — Сближайся с ними, — наставлял Салазар, — Не из-за того, что они авроры, хотя, полагаю, это тоже полезно. Делай это потому, что они, похоже, действительно заботятся о тебе, судя по тому, что ты мне рассказал. — Да, хорошо, — Гарри тихо ответил: —

Мне лучше уйти, делегации придут через час, будет вечерний пир. И последнее, что мне сейчас нужно, - это чтобы меня видели в туалете для девочек. Он сделал небольшую паузу, а затем повернулся к Салазару. — Почему вы поместили вход в палату в туалете для девочек? — спросил Гарри, его голос был полон недоумения. — Я не делал этого, — непринужденно ответил портрет, — В мое время не было никакого "водопровода". Вы просто стягивали мантии и... — Хорошо, я понял суть! А как Риддл нашел его? — Гарри прервал Салазара, его любопытство было сильнее усталости. — Он сказал мне, что искал его со второго курса. В конце концов он начал отчаиваться в поисках комнаты. Он систематически проверял все известные ему комнаты в школе. На тот момент остались только туалеты, кабинет директора и кабинеты сотрудников, — ответил Салазар, его голос был полон иронии. Гарри тихонько захихикал, представив, как Волдеморт-подросток будет пойман группой девочек в своей ванной. Это была довольно забавная визуализация. — Я бы предпочел, чтобы Риддл сделал мне шрам на лбу, а не заклеил меня на всю жизнь. Бедные девочки, — сказал Гарри, его настроение улучшилось. Он попрощался с портретом и начал свой путь обратно в гриффиндорскую башню. Гарри медленно одевался в общежитии четвертого курса Гриффиндора, спустя всего полчаса после разговора с Салазаром. Слова портрета сильно заделали Гарри; у него больше не было настроения даже на очередное собрание. Дело было не столько в том, что сказал Салазар, сколько в том, насколько он был точен. Рон всегда был ревнивым и злобным, но теперь, когда Гарри задумался об этом, у него не было ни одного искупительного качества. Конечно, он был довольно забавным, но шутки, которые он отпускал, как правило, были за счет других. Учитывая, что над Гарри издевались как минимум три раза в неделю (а до Хогвартса - гораздо чаще), Гарри больше не мог заставить себя считать рыжего юмористом. Гермиона была лучше, так как она была тактичной и действительно заботилась о нем, но в тот момент, когда Гарри наконец стал лучше ее в чем-то, она отдалилась. Хотя она по-прежнему разговаривала с ним гораздо чаще, чем с Роном, что было несомненным плюсом. Она также не обманывала себя, думая, что в ближайшем будущем станет великой чемпионкой. Это не могло не радовать. Гарри решил, что не бросит их: они были рядом с ним с того самого момента, как он ступил в магический мир, и он не станет просто так это бросать, даже на основании слов своего предка. Однако рядом с ними он будет вести себя гораздо осторожнее. Затем были Тонкс и Гестия. Гарри был вынужден признать, что он был ближе к ним, чем к кому-либо другому (не считая Салазара, Рона, Гермионы и, возможно, Хедвиг, если считать ее), хотя он не был уверен, что это много значит. В те редкие моменты, когда его не было в палате или в башне Гриффиндора, его почти всегда можно было найти рядом с ними. Гарри, внимая советам Салазара, легко находил подходящих кандидатов. В голове всплыли образы Сириуса и гриффиндорской квиддичной команды. С первым общение было затруднено, по вполне понятным причинам. Из второй же команды по-настоящему близки были только Анджелина, Алисия и Кэти. С Фредом и Джорджем он дружил, но не более того. С остальными тремя же отношения складывались как с младшим братом и тремя старшими сестрами. Подобные отношения были у него с Тонкс и Гестией, хотя последние две были более материнскими, а связь с ними — прочнее. Гарри грубо натянул на себя белую рубашку с пуговицами, завязывая галстук таким же образом. Быстро взглянув в зеркало, он убедился, что выглядит вполне презентабельно. Юноша заметно преобразился, хотя всем было очевидно, что ему еще есть куда расти. Высокие скулы, легкий загар, глаза, излучающие красивую искру, аккуратно уложенные волосы — он выглядел привлекательно.